

Шон Гриффин

Дартмутский колледж, Нью-Гэмпшир, США. *sean.d.griffin@dartmouth.edu*

«АКИ ДЕНЬИЦА ПРЕДЪ СЛНЦМЬ»:
ЛИТУРГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КНЯГИНИ ОЛЬГИ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ¹

Летописцами средневековой Руси были монахи, которые ежедневно проводили богослужение по византийскому обряду. В настоящей работе анализируется, как эти ритуалы оказывали влияние на формирование образа княгини Ольги в Повести временных лет. На протяжении XI в. киевские летописцы узнавали о христианизации Римской империи, справляя ряд специфически византийских церковных праздников. Когда службы завершались и клирики приступали к историческим сочинениям о своем собственном народе, они интуитивно опирались на священные истории, которые они воспевали в церкви.

Ключевые слова: Повесть временных лет, княгиня Ольга, литургия, Византия, Русь

В центре античного Рима, между Римским Форумом и Форумом Цезаря, стояло небольшое святилище Януса, бога входов и выходов, начал и концов. Бронзовая статуя божества располагалась внутри и имела два лица, обращенные в противоположные стороны. Одно лицо смотрело в прошлое, другое — в будущее. Древние римляне, взиравшие на этого бога, сталкивались с образом пограничности и подвижности. Эта таинственная фигура, казалось, соединяет два мира, но в то же время не принадлежит полностью ни одному из них.

Современные филологи были поражены подобным феноменом, исследуя пассажи о княгине Ольге в Повести временных лет (далее — ПВЛ). Ученые видели две различные стороны этой исторической фигуры и приписывали их различным нарративным традициям. Образ мстительного и коварного массового убийцы трактуют как материал из народных легенд, саг и сказок. Таковую Ольгу рассматривают как продукт дохристианской культуры, героиню языческой Руси, память о которой сохранялась в устных преданиях [Котляр, с. 98; Трубецкой, с. 56; Виरोлайнен, с. 64–67; Ранчин]. С другой стороны, образ новообращенной добродетельной христианки обычно считается церковным изобретением, созданным по библейским моделям, агиографическим стереотипам и благочестивым клише [Лихачев, 1979, с. 81; Данилевский, с. 159–161; Бедина; Чекова, 2011]. В основе этих интерпретаций лежит очевидная посылка: княгиня со страниц ПВЛ не идентична историческому персонажу. Скорее, она — сложная литературная фигура, сотканная из двух видов источников, как ковер из двух видов ниток [Шахматов, с. 111–114; Платонов; Кузьмин, с. 340–341; Müller; Лихачев, 1997, с. 43–133; Баловнев].

Помысли некоторых ученых, репрезентация новообращенной христианки из Руси опиралась на ветхозаветные и еврейские предания о благочестивых женщинах [Чекова, 1993; Чекова, 2013; Лихачева; Данилевский, с. 159–161]. У других исследователей эти пассажи вызывали иной набор ассоциаций. Согласно Роману Якобсону, нарративная модель Ольги — это не далекая ветхозаветная царица, а скорее более близкая по времени фигура — княгиня Людмила Чешская X в. Он считал, что панегирик в конце статьи 969 г. основан на гомилетическом тексте — «Службе в память о Людмиле, заступнице земли Чешской», который был составлен на латыни примерно в конце XI в. в Сазавском монастыре [Якобсон, с. 52–53]. Впрочем, это предположение было резко отвергнуто А. А. Гогешвили, который указал, что общая панегирическая терминология, на которую опирается аргумент Якобсона, может быть найдена в грузинском акафисте в честь святой Нины. Он пришел к заключению, что все три произведения (латинская служба, русская

¹ Griffin S. *The Liturgical Past in Byzantium and Early Rus*. Cambridge, 2019. Материалы этой книги воспроизведены здесь с разрешения издателей, Cambridge University Press.

летопись и грузинский гимн) происходят от некоего раннего неизвестного византийского текста [Гогешвили, с. 55–57]. Гогешвили не пытался определить этот текст, а значит, остается вопрос: что представлял собой этот таинственный источник и почему он был так широко распространен? Болгарская исследовательница Илиана Чекова предложила решение этой головоломки в статье 2013 г. Она предположила, что чешские, русские и грузинские тексты содержат сходные мотивы и термины, поскольку опираются на один и тот же литургический памятник — акафист Божьей Матери, сочиненный святым Романом Сладкопевцем в Константинополе в первой половине VI в. [Чекова, 2013]. Важно отметить, что Чекова не первая, кто нашел следы этого известного византийского гимна в пассажах о княгине Ольге. Елена Осокина пришла к аналогичному выводу в своей диссертации 1995 г. Она предположила, что летописные сообщения опираются не на один, а на два литургических источника: упомянутый акафист Богородице и службу святым Константину и Елене. Осокина заключила, что моделями для церковного образа княгини Ольги служили одновременно Матерь Божья и мать Константинова, как они и изображаются вдвоем в церковных книгах [Осокина].

Осокина и Чекова правы, усматривая следы литургии в летописных рассказах об Ольге и возводя некоторые их элементы к церковному поминанию Девы Марии и императрицы Елены. Но при всех достоинствах их аргументации они недостаточно полно реконструируют картину. Обе исследовательницы фокусируются на нескольких стихах из очень немногих рукописей, не принимая во внимание всего литургического календаря. В итоге они прослеживают не все богослужебные источники историй об Ольге, но лишь их часть. Их подход к Богородице в этом отношении показателен. Она восхваляется ежегодно на каждой службе, не считая около полудюжины праздников, посвященных ключевым моментам ее земной жизни. Игнорировать эти материалы и фокусироваться исключительно на одном акафисте — все равно что сводить все сочинения поэта к одной поэме или все произведения композитора к одной арии.

Итак, я утверждаю, что церковные авторы, описавшие благочестивую сторону Ольги, опирались не на один гимн Богородице или несколько стихир святой Елене. Я убежден, что эти священники и монахи основывали свое творение на гораздо более обширной традиции, включавшей не менее девяти церковных праздничных служб. Как обычно в литургике, эти празднества были взаимосвязаны и вместе рассказывали историю об одном очень особенном клане, чьи репродуктивные успехи, как считалось, обеспечили спасение всему миру.

Зачатия и Рождества, Праматери и Предтечи

Для группы людей, которым строго запрещено иметь детей, византийские и русские монахи проводили удивительно много времени в пениях и молитвах о деторождении. Правда, гимны в их книгах не были посвящены обычным явлениям человеческой биологии. Они касались событий христианской сотериологии и тайны Боговоплощения. В современном Западном мире эти события соотносятся, в первую очередь, с 25 декабря. Эта дата была столь же важна и для средневекового Константинополя и Киева, но были и другие священные рождения, отмечавшиеся в этих городах. Появление младенца Христа было кульминацией большого цикла, который разворачивался постепенно на протяжении литургического года. Первый по времени эпизод этой сюжетной линии — праздник Зачатия Богородицы святой Анной 9 декабря:

Цѣломудрѣная анна · зарею божиею просвѣщаема пророчѣства рѣшащи двьрь непроходимоу · владыцѣ единомуу прохоюноу · свѣтоую дѣвоу въ чрѣвѣ приемлець².

8 сентября киевское духовенство праздновало Рождество Богородицы и пело следующую стихиру на вечерне:

² Gottesdienstmenäm für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts (далее – GMD). Opladen, 1997. Vol. 2 / Ed. H. Rothe and E. M. Vereshchagin. P. 112.

Аще и бжїею волею нарочиты жены неплодѣви родиша · нѣ всѣхъ марія роженныхъ болѣпно паче всихъ · яко из неплодѣвины преславно рожьшися мѣре · породи плѣтью всѣхъ ба выше естѣства из бесѣменьна чрева · едина двѣрь и единочадаго снѣ бжїя · юже прошѣдъ затвореноу съхрани и всѣя премоудро съмотривъ яко вѣсть самъ всѣмъ члѣвомъ спсєние съдѣя³.

Как видно из этого гимна, другие ранее бесплодные пары тоже были известны духовенству Руси. Среди них, прежде всего, были священник Захария и его жена Елизавета. Как и их старшие родственники, Иоаким и Анна, эти двое святых поминались за чудесное рождение ребенка после потери надежды иметь потомство⁴.

Гимнография этих праздников передает единый посыл. Появления на свет Девы Марии и Иоанна Крестителя были важны для византийской литургической традиции лишь постольку, поскольку они готовили почву для гораздо более величественного события — пришествия Богочеловека, Иисуса Христа. Его приход в мир отмечался также на двух очень существенных богослужебных церемониях. И первым был праздник Благовещения:

Днь(с) сп(с)нию нашему начатокъ · и вѣчнѣи таинѣ явление · снѣ бжїи снѣ двѣцъ бываетъ · и гаврилъ блг(д)тъ блговѣстоуетъ · тѣмъ съ нимъ бци възъпиемъ · радоуи са обрадованая гѣ съ тобою⁵.

Естественным продолжением этого праздника было Рождество Христово. До этого дня соблюдался сорокадневный пост, во время которого отмечался ряд подготовительных празднеств, таких как недели святых праотцев и отцов:

Іависа отъ вѣка на земли проповѣда(на)я пророчьскѣими вѣщании · дѣвица богородица юже патриарси моудрии и правдѣныхъ събори възвѣщають съ ними же ликоуетъ и женское благолѣпие сарра ревека рахиль и анна же и славная марія мосѣова вѣкоупѣ съ тѣми радоуются и мирьстии коньци всѣа тварь славить яко зижитель всѣхъ богъ родитисѣ · градеть и подати велию милость⁶.

На этом этапе внутренняя логика византийского литургического календаря должна стать более четкой. В гимне за гимном, на праздниках, которые отмечались в течение нескольких месяцев, средневековым христианам втолковывали, что Создатель Всего не может просто появиться на земле из ниоткуда. Для него должен быть подготовлен особый святой путь, и такое священное задание было выполнено одной кровной линией:

Едема вифлемѣмъ отъвѣрзе придѣте видимъ пищу въ таинѣ обрѣтохомъ придѣте приемѣмъ соушая раиская вѣноутрь вѣртѣпа тоу явисѣ корень ненапоенъ прозѣбая отъпущение тоу обрѣтесѣ кладѣзь неископанъ его же пити давидѣ древле вѣжадѣса тоу двѣя рожьшия младеньца жажю оустави абие адамовоу и давидовоу того ради и къ семоу идемъ кѣде родисѣ · лю(д) · отроца младо прѣвѣчнѣи богъ⁷.

Это была одна из основных мифологических парадигм, которую духовенство Руси усвоило через литургию, и поэтому она была воспроизведена в рассказах об Ольге. На самом деле, как мы увидим, эти люди использовали особые и очень выразительные материалы из рассмотренных выше служб на праздники зачатий и рождеств, чтобы ввести благословенную княгиню в поистине отборное общество.

Но прежде чем перейти к филологическим интерпретациям этих материалов, следует назвать еще один набор византийских литургических обрядов, которые необходимо учесть. Ведь

³ Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. / Труд [по опубликованию и вступит. ст.] орд. акад. И. В. Ягича. СПб., 1886. Т. 1. С. 71–72.

⁴ Там же. С. 182.

⁵ Пентковский А. М. Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 333.

⁶ GMD. Opladen, 1999. Vol. 3 / Ed. D. Christians, D. Stern, and A. Wöhler. P. 58.

⁷ GMD. Paderborn, 2006. Vol. 4 / Ed. E. M. Vereshchagin, A. G. Kraveckij, and O. A. Krashennnikova. P. 16–17.

святость Ольги конструировалась не только из минейных гимнов святым матерям и предтечам. Есть вторая церковная книга и второй комплекс служб, никогда ранее не упоминавшиеся в науке в связи с образом княгини Ольги, но также сыгравшие свою роль в создании летописных статей 955 и 969 г. Эта книга — Служебник, а службы — древние таинства крещения и миропомазания.

«Елицы во Христа креститесь...»

Ни один текст службы крещения или миропомазания не сохранился от первых 350 лет христианства на Руси. Самой ранней восточнославянской рукописью, содержащей эти обряды, является Служебник, обнаруженный в библиотеке Софийского собора в Новгороде и датируемый второй половиной XIV в.⁸ Есть также фрагменты трех Служебников XI в., написанные на глаголице, но в этих остатках, увы, не сохранились таинства посвящения [Афанасьева, с. 24].

Можно было бы отчаяться в такой ситуации, как это сделал первый великий русский исследователь обрядов посвящения Александр Алмазов. В 1884 г. этот уважаемый церковный историк и доктор богословия опубликовал полную историю обрядов крещения и миропомазания в восточной церкви от ее истоков до XIX в. В приложении к своей работе он представил древнейшие доступные ему тексты, включавшие греческую крещенскую службу X в. и вышеупомянутую славянскую службу, датируемую временем почти на четыреста лет позже. Ученый не пытался скрыть свой скептицизм относительно временной дистанции между двумя рукописями. «Мы поставили перед собой цель ясно и добросовестно представить историческое развитие этих служб, — написал он в предисловии к отредактированным текстам. — Но эта цель может быть достигнута, пока дело касается русской церкви, в период с четырнадцатого до семнадцатого веков» [Алмазов, с. 687].

К счастью, преемник Алмазова оказался далеко не таким пессимистичным. Напротив, Мигель Арранц из Папского Восточного института в Риме большую часть своей творческой биографии посвятил восстановлению именно тех служб, которые Алмазов считал безвозвратно утраченными. В серии книг и статей, опубликованных в период с 1982 по 2003 г., иезуитский священник и его сотрудники тщательно воссоздали каждое слово и жест таинств посвящения, как их исполняли в раннесредневековых Константинополе и Киеве. Особое значение имеет статья, появившаяся в 1988 г. в честь 1000-летия крещения Руси, в которой Арранц собрал воедино обряды посвящения, использованные для приведения княгини Ольги и князя Владимира и их подданных в лоно христианской церкви [Арранц]. Работая с группой исследователей в Духовной академии в Ленинграде, литургист сравнил четыре основные византийские рукописи, такие как Barberini Gr. 336 VIII в. и Парижский Coislin Gr. 213 X в., со славянским обрядом принятия католиков в православие начала XVII в. Сопоставляя эти рукописи, Арранц отметил их сходство и пришел к выводу, что славянскому тексту каким-то образом удалось сохранить древние константинопольские обряды крещения и миропомазания для новообращенных взрослых язычников. Впоследствии он опубликовал реконструкцию того, как эти обряды совершали на Руси в X—XI в., следуя средневековым рукописям греческих служб и используя переводы славянских служб раннего Нового времени. Результат такого подхода, по общему признанию, является гипотетическим, но, тем не менее, это заслуживающий наибольшего доверия метод интерпретации на сегодняшний день. Поэтому я буду в дальнейшем цитировать исследования Арранца, используя современный кириллический шрифт, как в его восстановленном тексте.

⁸ Служебник. РНБ. Софийское собр. № 526. URL: www.byzantinorossica.org.ru/sof-catalog.html (дата обращения: 20.12.2019).

Матерь Божья и Матерь Руси

На данном этапе у некоторых читателей могут возникнуть сомнения. С одной стороны, они слышали об огненосных птицах, массовых убийствах и флиртующих императорах. С другой стороны, они сталкивались с гимнами Рождества и молитвами о миропомазании. Какого рода родство могли иметь эти два источника? Какое отношение имели литургические праздники к народным сказкам? Ответ, похоже, возвращает нас к «двум ипостасям» княгини Ольги. Я согласен с Шахматовым, Лихачевым и многими другими, кто воспринимает эти отрывки как сочетание церковных и легендарных материалов. И все же, в отличие от этих ученых, я не вижу причин возводить церковный образ княгини к более ранним несуществующим сказаниям, житиям или библейским главам и стихам. Ибо при более пристальном рассмотрении выясняется, что святая сторона княгини почти целиком взята из материалов двух видов служб, реконструированных выше: обрядов посвящения в Служебнике и праздников святых матерей, предков и предтеч в Минее. «Благословенную Ольгу», следовательно, лучше всего понимать не как библейское или агиографическое творение, а скорее, как литургическое. Она — литературный персонаж, составленный из песен, молитв и литургических чтений, и нет необходимости прибегать к гипотетическим текстам, чтобы объяснить ее репрезентацию в летописи.

Рассмотрим описание крещения Ольги в 955 г. В приведенной ниже выдержке полужирным шрифтом отмечены фрагменты, которые восходят к обрядам посвящения, а курсивом — к Минее:

и крѣи ю црѣ с пѣ(а)рхмъ. просвѣщена же бывши. радовашеса дѣшею и тѣломъ. и поучи ю патрархъ в вѣрѣ. ре^ч еи блг^вна ты в [женахъ] руски^х. яко возлюби свѣтъ. а тьму встави. блг^вти тѣ хотать с^(ен) русици. в послѣднии родѣ внукъ твои^х. и заповѣда еи в црѣвнмъ оуставѣ. в мл^твѣ и в постѣ. в мл^тни и в въздержаньи тѣла чиста. вна же поклонивши главу стояше. аки губа напаяема. внимаючи оученья. поклонившиса пѣрарху глѣци. мл^твами твоими влѣко. да сохранена буду ѿ сѣти неприя(зн^н)ны. бѣ же ре^ч(но) има еи во крѣщнѣи влена. якоже (и) древняя црѣл. мѣти великаго костянтина. блг^в ю пѣрархъ и ѿпусти ю⁹.

Подобная комбинация литургических источников также очевидна в отрывке, описывающем вторую встречу княгини Ольги с патриархом перед ее отъездом в Киев:

вна же хотащи домови. приде къ пѣр^еарху блг^внѣ^я прослѣци на домъ. и ре^ч ему людье мои пагани и сѣнь мои. дабы ма бѣ съблюлъ ѿ всакого зла. и ре^ч пѣрархъ чадо вѣрное во крѣта крѣтиласа еси и во крѣта вблечеса. х^сѣ иматъ схранити тѣ. якоже схани еноха в первыя роды. и потомъ ноя в ковчезѣ. аврама ѿ авимелеха. лота ѿ содомланѣ. моисѣя ѿ фаравна. двда ѿ саоула .г. втроци ѿ пеци. данила ѿ звѣрици. тако и тѣ избавитъ ѿ неприязни. и ѿ сѣтии его. блв^и ю патрархъ. и иде с миромъ въ свою зе^мл^ю¹⁰.

Первый отрывок начинается со ссылки на местную церковную практику. Используя специальный термин, «патриарх», летописец прочно связывает крещение княгини Ольги с определенным местом и литургической традицией — с Великой церковью в Константинополе, где патриарх лично крестил неофитов на Богоявление, в Пятидесятницу, Лазареву субботу и Святую субботу [Арранц, с. 75].

Следующая строка, «Когда Ольга была просветленной, она возрадовалась душою и телом», также выражает важные идеи из таинств посвящения. В литургических текстах крещение называется *просвещением* и связано с переживанием радости. Призыв к радости

⁹ The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Comp. and ed. Donald Ostrowski; associate ed. David J. Birnbaum, senior consultant Horace G. Lunt. Cambridge, 2003. (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Vol. X) (далее — PVL). Col. 61, 3–17.

¹⁰ Ibid. Col. 61, 25–62, 7.

повторяется в нескольких молитвах и гимнах во время служения, таких как первое помазание елеем непосредственно перед крещением, молитва во время надевания одежды для крещения и гимны, которые следуют сразу после этого.

Выражение «душою и телом» подчеркивает описание летописцем ритуала, что также характерно для византийской литургической практики. Формула часто появляется в связи с причастием, и ее вариации звучат в рубриках для священника после первого приема посвященного в оглашенные:

Приходит хотяя креститися к настоятелю и приемлет благословение, и по благословении же предаст его настоятель искусну священнику, ведущему божественная писания, и повелит ему ведати хотяшаго креститися душевне и телесне [Арранц, с. 78].

В целом, вступительная фраза летописцев представляет собой краткое изложение ритуала посвящения в восточном христианстве, особенно нескольких моментов до и после акта тройного погружения.

Обращение патриарха к княгине Ольге после крещения также богато литургическими ассоциациями. Его слова «Благословенна ты среди жен русских» основаны на стихе из одного из древнейших и хорошо известных христианских гимнов — «Богородице Дево». В средневековой практике студитов этот гимн служил сокращенным вариантом тропаря для ежедневной вечерней службы [Лукашевич, 2002]. В него также входили чтения из Евангелия в утренние часы (Лк 1:39—49, 56) для главных праздников Богородицы, таких как Благовещение и Успение¹¹. Таким образом, первыми словами патриарха к Ольге стали те самые слова, которые священнослужители в Киеве повторяли почти каждый вечер на вечерне и при каждом литургическом богослужении Деве Марии. Как только этот оригинальный литургический контекст восстановлен, становится ясно, что заявление патриарха имеет значительный исторический и богословский вес. Ольга — «благословенна в русских женах», так как она — предок князя Владимира, который обращает Русь в христианство. «Радуйся, Мария» передает то же самое понятие. Дева «благословлена среди женщин», потому что она «родила спасителя наших душ»:

Б(д)це дѣво радуйса, блѣгодатнаа мѣе, г(с)дь съ тобою: блѣгословена ты въ женахъ, и блѣгословенъ плодъ чрева твоегѡ, якѡ сѣса родила еси душъ нашихъ [Лукашевич, 2002].

Точно так же Ольга будет благословлена «среди сынов русских... до последнего поколения [ее] потомков», потому что в другом древнем гимне, «Песнь Богородицы», Мария пророчествует о себе: «Что призрел Он на смирение Рабы Своей, ибо отныне будут ублажать Меня все роды» (Лк 1: 48).

Патриарх обращается к княгине Ольге, как во время службы обращаются к Марии, а затем дает религиозные наставления по пяти темам: церковному типикону, молитве, посту, милостыне и воздержанию. Все эти темы упоминаются в наставлениях, которые читаются вслух во время церковной церемонии:

О чадо, внимай же глаголю ти: Во Христа крестился еси, во Христа облечеся. Ему же буди всегда угодная творя во вся дни живота твоего, в православной вере твердо пребывая, в добродетелех житие совершая, к духовному отцу послушание и повиновение имея. Никогда же отлучайся церковнаго правила кроме великия нужда, но прилежным тщанием буди всегда упражняся в молитвах и воздержании, и во время пощения не унывай. Руце простирай к милостыни требующим и ко святым церквам и ко убогой чади елика сила. Правду и любовь имей ко всем человеком [Арранц, с. 92—93].

Первая строка этого церковного текста также должна звучать знакомо. Он дословно воспроизводит увещание патриарха княгине Ольге во время их второй встречи: «чадо вѣрное во крѣта крстилася еси и во крѣта вблечеся». Эта фраза восходит, конечно, к третьей главе Послания апостола Павла к Галатам (3: 27). Однако в реконструкции Арранца слова апостола

¹¹ Пентковский А. М. Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. С. 333, 363.

были присвоены византийскими гимнологами и повторены в двух местах в обрядах посвящения. Впервые их пели вскоре после того, как неопиты выходили из освященных вод, а затем снова, когда они трижды совершали обход святой купели. Кроме того, в течение литургического года эта священная песня заменила гимн «Трисвятое» на богослужении в самые важные дни церковного календаря, такие как Пасха и Богоявление. Таким образом, слова патриарха в летописи не только передавали конкретные указания константинопольских служебных книг. Они также напоминали один стих из крещенской службы, который звучал в самые важные моменты в течение всего годовичного литургического цикла.

Княгиня Ольга внимает наставлениям патриарха, склоняя голову и тело к прелату, и впитывает его учение «как губка впитывает воду». Эта поза отражает традиционное благочестие восточного христианства, часто изображаемое в иконографии, и она также предписана в нескольких местах крещенской службы. Например, во время нанесения святого елея посвященный должен склонить голову к алтарю, пока иерарх молится:

Одеяйсья [или одеявшаяся] в Тя, Христа и Бога нашего, Тебе подклони с нами свою главу, егоже сохрани непобедима подвижника пребыти на всуе вражду носящих на него и на ны... [Арранц, с. 94].

Такие инструкции также помогают понять, какую роль играют благословения в рассматриваемом летописном отрывке. Когда патриарх благословляет Ольгу в заключение крещения и когда она впоследствии ищет его благословения, они не говорят и не действуют произвольно. Скорее они исполняют роли крестителя и крещаемого, как изложено в церковных книгах.

Патриарх обещает Ольге, что Христос «избавит ее от ловушек и сетей дьявола» и тем самым поместит ее в компанию главных деятелей Ветхого Завета, таких как Енох, Ной, Авраам, Лот, Моисей, Давид, трое святых юношей и Даниил. Эти священные герои упоминаются в различных гимнах и канонах в течение года, но наиболее вероятные модели для статьи 955 г. можно найти в двух службах — на праздники святых отцов и предков, которые отмечаются в дни, предшествующие Рождеству. Как и в летописном отрывке, праздничные гимны включают длинные списки ветхозаветных фигур и описывают, как Бог избавил их от опасности:

Праотчьскыи съставъ пряднолюбыци прйдѣте пѣсньми въсхвалимъ адама праотьца · еноха ноя мелхиседека авраама исаака и иякова · съ законѣмъ мосѣя и аарона иисуса самоила и давида съ ними же исаию иеремию иезикела и даниила и дъванадесате въкоупѣ илию иелисѣя и въсѣхъ захария и христителя и проповѣдавшихъ христа живота и въскръсение родоу нашему¹².

В глазах патриарха положение Ольги напоминает героя Ветхого Завета, но летописцы уравнивают это сравнение с другой, более поздней и женской моделью. Они сообщают, что княгиню окрестили именем Елены, в честь матери Константина Великого, и этот выбор вновь был отмечен важными литургическими ассоциациями.

На богослужениях святая Елена предстает как праведная прародительница в стиле Девы Марии. Как и Ольга, она — тоже новообращенная, она — тоже предшественница влиятельного политического лидера, который обратит свой народ в истинную веру. В гимнографии римская императрица восхваляется как божественно мудрая женщина, которая оставляет тьму, оставляет идолов, строит церкви и достигает спасения:

Иако дивьна любви твоя · и образъ же божествьныи славьная елено · женьская похвало мѣста бо дошьдыши · иде же прѣчистыя страсти · прилтѣ владыка въсѣхъ и съпасѣ · църкьвами преоудрыими оукрашааше поющи · дети благосл[ови]...¹³

Литургический образ Елены, как и летописный образ Ольги, в некотором роде подобен образу Богородицы. Византийская гимнография подчеркивает, что, рождая Бога во плоти, Мария

¹² GMD. Vol. 3. P. 14.

¹³ РНБ. Софийское собр. № 384. Л. 129.2.

становится единственным посредником между Творцом и Его творением. Она — посредник, лестница и врата, через которые Бог соединил Себя с тварью созданной вселенной. Опираясь на это литургическое учение, последующие поколения авторов гимнов изображали святую Елену как «византийскую Марию», святую мать, чье лоно было благословлено, потому что оно принесло в мир Константина:

Воистинну блаженно чрево и освященна утроба, тебе носившая, царю мировожденне, христианов радости, Константине Боговенчанне...¹⁴

Аналогичная литургическая модель применяется к княгине Ольге в ПВЛ. Она изображается как тип «славянской Марии», ведь через ее потомка, князя Владимира, христианское спасение пришло в Русскую землю.

В конечном счете, таким образом, рассказ о крещении княгини Ольги — это сложная и творческая литургическая интерпретация беспримерного события в истории Руси. Повествование — действия патриарха и княгини — основывается на молитвах, гимнографии и разделах о таинствах посвящения. Патриарх крестит Ольгу (разделы); она просвещена и радуется телом и душой (крещение и миропомазание); ей преподают основные напутствия в вере (воцерковление); она ведет себя благочестиво и уважительно по отношению к патриарху, просит его благословения и склоняет свою голову (отречение от ересей, воцерковление); и она дважды просит спасения от дьявола и «всякого зла» (принятие в оглашенные, экзорцизм). Теологию крещения Ольги, то есть его значение для нее и ее народа, предоставляли минейные праздники. Подобно Марии, святой Елене и другим праведным женщинам до нее, благоверность княгини предвосхищала великое событие в истории спасения: массовое крещение руси в Днестре в 988 г.

Заря пред светом

Типологическая роль Ольги в истории обращения развивается далее в пассаже о ее смерти и погребении. Здесь опять летописцы конструируют ее святую сторону, используя ряд весьма красноречивых фраз и цитат, которые они почерпнули из трех церковных книг. В приводимых ниже фрагментах курсивом обозначен текст из Минеи, полужирным шрифтом — из Служебника, а подчеркиванием — из Паремейника:

*си бы^с предѣтекущия кртѣяньстѣи земли. аки деньца предѣ слнѣмь. и акі зора предѣ свѣтомѣ. си бо съаше аки луна в нощи. тако и си в невѣрныхъ члѣцхъ свѣтлѣщес^а. аки бисерѣ в калѣ. **кальни бо бѣша грѣхъ. не вмовени крщѣмь стѣмь. си бо вмысл купѣлью стою. и совлече сѧ грѣховною вдеже въ. ветхаг^о члѣка адама. и въ новыи адамѣ вблечеса еже есть х^ъ.** мы же рцѣмъ к ней. ра^аисл руское познанье. кѣ бу начатокѣ примиренью примир^нью быхомѣ. си первое вниде в цртѣво нб^ное рус^а. сию бо хвал^т руские снѣве. аки началницю. ибо по смртѣи моляше ба за русь. првднхъ бо дѣша не оумир^аю^т. якоже ре^с соломанѣ. похвала првднму възвеселатсѧ людье. бс^смртѣе бо есть памѣть его. яко ѿ ба познаватсѧ и ѿ члѣкѣ. се бо вси члѣци прославляють видаща лжащия в тѣлѣ на многа лѣ^т. ре^с бо пррѣкѣ прославляюща ма прославлю. в сакovy^х бо двѣдъ глѣше в памѣ^т [вечноую]. првднкѣ будетъ. ѿ слуха зла не оубоитсѧ. готово срѣце его оуповати [на] г^са. оутвердис^а срѣце его и не подвижетсѧ. соломанѣ бо ре^с првднци въ вѣки жиють и ѿ г^са мзда имъ есть. и строенье ѿ вышнаго. сего ра^а примуть црствие красотѣ. и вѣнецъ добротѣ ѿ руки г^сна. яко десницею покрыеть я. и мышцею защититъ я. **защититъ бо есть сию блжну волюгу. ѿ противника и супостата дьявола**¹⁵.*

Начальные строки этого отрывка полны литургических коннотаций и должны быть тщательно проанализированы. Они содержат особые эпитеты, связанные с очень

¹⁴ Минея. Май. М., 2002. С. 344.

¹⁵ PVL. Col. 68, 7–69, 7.

специфическими литургическими праздниками, которые должны поместить княгиню в длинный ряд особенно праведных мужчин и женщин, избранных Богом для предуготовления пути для Спасителя мира.

Величайшим из них, и действительно «величайшим рожденным от женщины», был святой Иоанн Предтеча. И княгиня с самого начала отождествляется с этим святым персонажем: Ольга *предтекущая*, поскольку в византийской богослужебной традиции святой Иоанн считается *предтечей*. Это обозначение используется в названиях шести из семи праздников, посвященных Крестителю, на протяжении литургического года, а также регулярно употребляется в гимнографии. Княгиня именуется «денница пред солнцем» и «заря пред светом» по аналогичным причинам. Славянское слово *денница* означает 'утренняя звезда' или 'рассвет', и гимнография святого Иоанна постоянно именуется *звезда, заря* или *заря, восток свыше*, другой термин для «рассвета», обозначающий определенную точку на горизонте, где встает солнце. Показательна шестая песнь канона, исполняемая на заутрени во время праздника Рождества святого Иоанна:

Дн(с)ь поустыньныхъ храбрь ѿв · ражлетъ сѧ, покаяния проповѣдатель · и бл҃годати съвѣдѣтель истиннь прѣтеча словоу · и прѣдъсвѣтъмь сияющия звѣзда¹⁶.

Преже слѣца текъшаго хѧ бѧ нашего ѿв славнааго · яко звѣздуоу прѣтчу истъза оуправль и бѧ познавъша достойно хвалимъ¹⁷.

Подобная образность также встречается в акафисте Богородице, когда прихожане взывают к Марии: «ра(д)исл звѣздо являюци сѧнце»¹⁸. Встречается она и в девятой песни канона на праздник Зачатия Богородицы святой Анной¹⁹. Однако нигде термин *денница* не появляется столь часто, как в рождественских песнях и чтениях. Он упоминается несколько раз в Типиконе, а также занимает важное место в гимнографии:

Приде въплъщсѧ, хѣ бѣ нашъ · и-чрева, иже из оцѧ · прѣже дньница раждает · обладания же държа · прѣчистыхъ силъ · въ яслехъ скотияхъ възлежитъ · рабы повить · раздрѣши же многоплетуны пленница прѣгрѣния²⁰.

Как становится ясно из этих литургических текстов, первые 21 слово панегирика Ольге были вряд ли подобраны случайно. Летописцы выбрали крайне выразительные термины из служб, посвященных зачатию и рождению святого Иоанна, Девы Марии и Иисуса Христа, для того чтобы поместить княгиню в выдающийся и весьма уважаемый типологический ряд.

В следующих фразах летописец отходит от Служебника и снова ищет вдохновения в Минее. Короткая фраза «ра^а(у)исл Руское познание къ Бу · начатокъ примирению» — очередной пример глубоко зашифрованного языка, отсылающего к литургическим праздникам святых предков и предтеч. Призыв радоваться, естественно, заставляет вспомнить рефрен из акафиста Богородице, в то время как идея об Ольге — начальнице спасения Руси — опять-таки напоминает гимнографию, связанную с зачатием и рождением главных священных героев. К примеру, в процитированном ранее тропаре на праздник Благовещения хор поет: «днесь спасения нашего главизна... радуйся, благодатная, Господь с Тобою!»²¹. Ту же самую идею передавал праздник Зачатия Богородицы:

Съпасению въсѣмъ начало · облажени иакимъ и анна славная · чистоу и непорочноу · и пречьстною богородициу родиста · богочестия же се · въсприимъша въздание²².

¹⁶ Миния праздничная на февраль — август. ГИМ. Синодальное собр. № 895. URL: www.manuscripts.ru/mns/main?p_text=62272010 (дата обращения: 20.12.2019). Л. 125.1.

¹⁷ Там же. Л. 126.1.

¹⁸ Там же. Л. 221.2.

¹⁹ GMD. Vol. 2. P. 59.

²⁰ Ильина Книга (XI в.). Рукопись РГАДА, Тип. 131: лингвистическое издание / Подгот. греч. текста, коммент. и словоуказ. В. Б. Крысько. М., 2005. С. 388.

²¹ Пентковский А. М. Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. С. 333.

²² GMD. Vol. 2. P. 96.

Подобным образом она выражалась ев конце первого канона на праздник Рождества святого Иоанна:

Т_а б_жие вѣмѣстилище · разоумьною лѣствицю · еюже съниде б_ѣ · и въобрази са въ наше · на нбса възвелъ ес Ть · вси оубо · яко спсению начатъкъ похвалимъ²³.

Библейские интерполяции, завершающие сообщение 969 г., выполнены в типичной для ПВЛ манере. На первый взгляд, чтения кажутся выдержками из Книги Притчей Соломоновых. Однако в монашеском мире летописца эти чтения представляли не столько библейские, сколько литургические источники. На самом деле эти выдержки — цитаты и парафразы из Паремейника, книги, содержащей ветхозаветные чтения на самые важные праздники литургического года. В летописном рассказе под 969 г. три из четырех цитат из этой церковной книги могут быть возведены к двум праздникам. Начальная и финальная строки соответствуют чтениям на праздник Всех святых. Обратимся к последнему чтению, возглашаемому на праздничной вечерне:

ѡ прѣ(м) · соломо(н) · Правдници въ вѣкы живоуть · и ѡ г(с)а мзда имъ и строение ѡ вышна(а)го · сего ради примуть ц(с)рствие красотѣ · и вѣнць добротѣ · ѡ руки г(с)на · яко десницею покръеть я · и мышцею защититъ я...²⁴

Это почти точно соответствует второму подчеркнутому фрагменту, восходящему к Паремейнику, из приведенного выше отрывка из панегирика княгине Ольге. Аналогичным образом, первый подчеркнутый фрагмент — это точная цитата начальных строк третьего чтения вечерней службы на праздник святого Иоанна Златоуста, выдающегося константинопольского патриарха IV в.:

Ѡ премоу(д) соло · чѣ(т) Похвала правдномуу възвеселтъса людие бесъмъртие въ память его ест · яко ѡ ба познаетъ са и ѡ члвкъ...²⁵

Цитата, приписываемая пророку Давиду, пожалуй, порождает самые многозначные литургические ассоциации во всем пассаже. Ее текст воспроизводит стих на праздник Рождества Иоанна Предтечи (Пс 112: 6–8), что соотносит ее с изображением Ольги в предшествующей части пассажа²⁶. Более того, термин *вечная память* является кульминационной формулой современного православного реквиема, или *панихиды*. Эта формула традиционно используется для поминания умерших верных, но не святых. Во время нынешней канонизационной службы *вечная память* исполняется один раз перед знаменательным переходом к *величанию* — гимну, восхваляющему признанных святых. Одним из немногих исключений из этого предписания во всей гимнографии Восточной церкви было не что иное, как праздник святым Константину и Елене. Во время празднования император и императрица продолжают даже сегодня поминаться с помощью формулы, используемой для новопреставленных мирян.

Однако не следует думать, что такая практика означала непризнание их статуса, как если бы они не были настоящими святыми. Напротив, в позднеантичные и раннесредневековые времена термин *вечная память* использовался исключительно для поминания высокочтимых императоров, а также церковных деятелей, которые защищали истинную веру от иконоборчества. Таких мужчин и женщин прославляли ежегодно в первое воскресенье Великого поста, в день Торжества православия — праздника в честь восстановления иконопочитания в 843 г. [Лукашевич, 2004]. Современная служба святым Константину и Елене, таким образом, сохраняет очень древнюю практику, развившуюся для поминания святых, имевших особо высокое политическое положение и моральный авторитет. Как было указано выше, святая Елена была одной из литургических моделей для образа княгини Ольги. Исходя из этого, вполне вероятно, что летописцы внесли

²³ ГИМ. Синодальное собр. № 895. Л. 122.2–123.1.

²⁴ Захаринский паремейник. РНБ. Q.п.13. URL: www.manuscripts.ru/mns/main?p_text=93729005 (дата обращения: 20.12.2019). Л. 227.2.

²⁵ Там же. Л. 251.1–2.

²⁶ Пентковский А. М. Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. С. 348–349.

в панегирик запоминающуюся фразу из службы Елене, чтобы показать соответствие Ольги аналогичному статусу. Если это так, то образ княгини связывается одновременно с тремя разными литургическими традициями: посвященными Иоанну Предтече, императрице Елене и Торжеству православия — и все это посредством одной фразы из 112-го псалма.

Теперь уже должно стать ясно, что эти цитаты были взяты из особых литургических чтений византийских лекционариев и не были просто выдержками из Библии в целом. Они несли множество значений, совершенно неуловимых для современных читателей, которые не знакомы с тем, как Священное Писание использовалось в богослужении. Когда средневековый книжник, пролистывая летопись, находил панегирик, он, конечно, понимал, что его создали для достижения весьма специфических богословских и политических целей. В нашем случае в едином сводном пассаже Ольга была введена в сонм всех святых и одновременно представлена как предтеча христианства (рождество св. Иоанна Предтечи), просветитель (св. Иоанна Златоуст), защитник истинной веры (Торжество православия) и святая царица-мать (праздник свв. Константина и Елены). Таким образом, заключительные строки Похвалы 969 г. были далеко не просто отсылкой к Библии, но, по сути дела, указывали средневековым читателям надлежащее место княгини в иерархии святых. Цитаты из Паремейника были не просто источником недоступных в ином виде библейских текстов: как таковые, они были важными символами литургического статуса. Летописцы и их аудитория знали, из каких праздничных служб взяты цитаты и тем самым могли судить о положении персонажа в ряду святых. Восхваляя княгиню словами из рассмотренных богослужебных чтений, книжники четко заявляли о ее месте в истории Руси. В их глазах Ольга была святой и заслуживала похвалы с использованием тех самых фраз и тех самых маркеров литургического престижа, которые использовались во время праздничного поминания ее предшественников.

Литература

- Алмазов А. И. История чинопоследования крещения и миропомазания (I–XIX вв.). Казань, 1884. XVI, 686, 67, IX, IV с.
- Арранц М. Чин оглашения и крещения в Древней Руси // Символ. 1988. № 19. С. 69–100.
- Афанасьева Т. И. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). М., 2015. 447 с.
- Баловнев Д. А. «Сказание о первоначальном распространении христианства на руси»: опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5–42.
- Бедина Н. Н. Образ святой княгини Ольги в древнерусской книжной традиции (XII–XVI вв.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 8–12.
- Виролойнен М. Н. Загадки княгини Ольги (Исторические предания об Олеге и Ольге в мифологическом контексте) // Русское подвижничество. СПб., 1996. С. 64–71.
- Гогешвили А. А. Акrostих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XII веков. М., 1991. 204 с.
- Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. 382 с.
- Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. 156 с.
- Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. 406 с.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. 352 с.
- Лихачев Д. С. Избранное. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси; Заметки о русском. СПб., 1997. 537 с.
- Лихачева О. П. «Яко бисер в кале» // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 110–112.
- Лукашевич А. А. «Богородице Дево» // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 5. С. 504–505.
- Лукашевич А. А. «Вечная Память» // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 93.
- Осокина Е. А. Методологические проблемы соотношения гимнографических и агиографических произведений // Гимнология. 2000. С. 178–187.

- Платонов С. Ф. Летописный рассказ о крещении Ольги // Исторический вестник. 1919. № 1. С. 285–287.
- Ранчин А. М. Семантика и структура рассказов об Олеге и Ольге в «Повести временных лет» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2002. № 5. С. 7–15.
- Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. 797 с.
- Чекова И. Художественное время и пространство в летописном повествовании о княгине Ольге в Царьграде // Годошник на Софийския университет «Св. Клемент Охридски». 1993. № 2 (86). С. 5–7.
- Чекова И. Библейские коды в летописном повествовании о княгине Ольге // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 125–126.
- Чекова И. Летописная похвала княгине Ольге в Повести временных лет: поэтика и текстологические догадки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (54). С. 103–107.
- Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. XX, 687 с.
- Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. 464 с.
- Griffin S. The Liturgical Past in Byzantium and Early Rus. Cambridge, 2019. 276 p.
- Müller L. Die Erzählung der Nestorchronik über die Taufe Olgas im Jahre 954/55 // Zeitschrift für Slawistik. 1988. № 33. S. 785–796.

References

- Afanas'eva, T. I. Liturgii Ioanna Zlatousta i Vasiliya Velikogo v slavyanskoi traditsii (po sluzhebnykam XI–XV vv.) [The Liturgies of John Chrysostom and Basil the Great in the Slavic Tradition (according to the Service Books of the 11th – 15th Centuries)]. М., 2015. 447 p.
- Almazov, A. I. Istoriya chinoposledovaniya kreshcheniya i miropomazaniya (I–XIX vv.) [History of the Rite of Baptism and Anointing (1st – 19th Centuries)]. Kazan', 1884. XVI, 686, 67, IX, IV p.
- Arrants, M. Chin oglasheniya i kreshcheniya v Drevnei Rusi [The Rite of Proclamation and Baptism in Old Russia]. In *Simvol*. 1988. № 19. P. 69–100.
- Balovnev, D. A. "Skazanie o pervonachal'nom rasprostraneni khrisianstva na Rusi": Opyt kriticheskogo analiza [The "Tell about the Initial Spread of Christianity in Russia": Attempt of Critical Analysis]. In *Tserkov' v istorii Rossii*. 2000. № 4. P. 5–42.
- Bedina, N. N. Obraz svyatoi knyagini Ol'gi v drevnerusskoi knizhnoi traditsii (XII–XVI vv.) [The Image of the Holy Princess Olga in the Old Russian Book Tradition (12th – 16th Centuries)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2007. № 4 (30). P. 8–12.
- Chekova, I. Khudozhestvennoe vremya i prostranstvo v letopisnom povestvovanii o knyagine Ol'ge v Tsar'grade [Art Time and Space in the Chronicle Narrative about Princess Olga in Tsargrad]. In *Godoshnik na Sofiyskiya universitet "Sv. Klement Okhridski"*. 1993. № 2 (86). P. 5–7.
- Chekova, I. Bibleiskie kody v letopisnom povestvovanii o knyagine Ol'ge [Biblical Codes in the Chronicle Story of Princess Olga]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2011. № 3 (45). P. 125–126.
- Chekova, I. Letopisnaya pokhvala knyagine Ol'ge v Povesti vremennykh let: poetika i tekstologicheskie dogadki [The Chronicle Praise of Princess Olga In the Tale of Bygone Years: Poetics and Textual Guesses]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2013. № 4 (54). P. 103–107.
- Danilevskii, I. N. Povest' vremennykh let: germenevicheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov [The Tale of Bygone Years: Hermeneutical Foundations of Source Studies of Chronicle Texts]. М., 2004. 382 p.
- Gogeshvili, A. A. Akrostikh v "Slove o polku Igoreve" i drugih pamyatnikakh russkoi pis'mennosti XI–XII vekov [Acrostic in the "Tale of Igor's Campaign" and Other Monuments of Russian Writing of the 11th – 12th Centuries]. М., 1991. 204 p.
- Griffin, S. The Liturgical Past in Byzantium and Early Rus. Cambridge, 2019. 276 p.
- Kotlyar, N. F. Drevnyaya Rus' i Kiev v letopisnykh predaniyakh i legendakh [Old Russia and Kiev in Chronicles and Legends]. Kiev, 1986. 156 p.
- Kuz'min, A. G. Nachal'nye etapy drevnerusskogo letopisaniya [Initial Stages of the Old Russian Chronicles]. М., 1977. 406 p.
- Likhachev, D. S. Poetika drevnerusskoi literatury [Poetics of Old Russian Literature]. 3-e izd., dop. М., 1979. 352 p.

- Likhachev, D. S. *Izbrannoe. Velikoe nasledie: Klassicheskie proizvedeniya literatury Drevnei Rusi; Zametki o russkom* [Selected Works. Great Heritage: Classic Works of Literature of Old Russia; Notes on Russian]. SPb., 1997. 537 p.
- Likhacheva, O. P. “Yako biser v kale” [“Like bead in Cal”]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury Rossiiskoi akademii nauk*. SPb., 1997. T. 50. P. 110–112.
- Lukashevich, A. A. “Bogoroditse Devo” [“Hail Mary”]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. M., 2002. T. 5. P. 504–505.
- Lukashevich, A. A. “Vechnaya Pamyat” [“Eternal Memory”]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. M., 2004. T. 8. P. 93.
- Müller, L. Die Erzählung der Nestorchronik über die Taufe Olgas im Jahre 954/55. In *Zeitschrift für Slawistik*. 1988. № 33. P. 785–796.
- Osokina, E. A. Metodologicheskie problemy sootnosheniya gimnograficheskikh i agiograficheskikh proizvedenii [Methodological Problems of Correlation of Hymnographic and Hagiographic Works]. In *Gimnologiya*. 2000. P. 178–187.
- Platonov, S. F. Letopisnyi rasskaz o kreshchenii Ol’gi [Chronicle Story about Olga’s Baptism]. In *Istoricheskii vestnik*. 1919. № 1. P. 285–287.
- Ranchin, A. M. Semantika i struktura rasskazov ob Olege i Ol’ge v “Povesti vremennykh let” [Semantics and Structure of Stories about Oleg and Olga in the “Tale of Bygone Years”]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2002. № 5. P. 7–15.
- Shakhmatov, A. A. Razyskaniya o drevneishikh russkikh letopisnykh svodakh [Research on the Oldest Russian Chronicles]. SPb., 1908. XX, 687 p.
- Trubetskoi, N. S. *Istoriya. Kul’tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. M., 1995. 797 p.
- Virolainen, M. N. Zagadki knyagini Ol’gi (Istoricheskie predaniya ob Olege i Ol’ge v mifologicheskom kontekste) [Riddles of Princess Olga (Historical Legends about Oleg and Olga in a Mythological Context)]. In *Russkoe podvizhnichestvo*. SPb., 1996. P. 64–71.
- Yakobson, R. *Raboty po poetike* [Works on Poetics]. M., 1987. 464 p.

Sean Griffin
Dartmouth College, New Hampshire, USA

‘THE DAYSPRING BEFORE THE SUN’:
THE LITURGICAL IMAGE OF PRINCESS OLGA IN THE RUS PRIMARY CHRONICLE

The chroniclers of medieval Rus were monks, who celebrated the divine services of the Byzantine church throughout every day. This study analyses how these rituals shaped the creation of the historical image of Princess Olga in the Rus Primary Chronicle. During the 11th century, chroniclers in Kiev learned about the conversion of the Roman Empire by celebrating a series of distinctively Byzantine liturgical feasts. When the services concluded, and the clerics sought to compose a native history for their own people, they instinctively drew on the sacred stories that they sang at church.

Keywords: Rus Primary Chronicle, Princess Olga, liturgy, Byzantium, Rus

